

Интервью с Мария Владимировной ПЕВНОЙ

«В НЕСПОКОЙНУЮ ЭПОХУ ПЕРЕМЕН Я ПОЛУЧИЛА КЛАССИЧЕСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

Певная М. В. – окончила Уральский государственный университет им. А. М. Горького, исторический факультет (1999 г.). Кандидат социологических наук (2007 г.), доктор социологических наук (2016 г.), заведующий кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления УрФУ. Основные области исследования: социология молодежи, социология управления.
Интервью состоялось: февраль – июль 2017 г.

Мое знакомство с Уральской, ранее – Свердловской, а теперь – Екатеринбургской социологией началось совсем недавно, 22 марта 2013 г.. Именно в тот день я начал интервьюировать Гарольда Ефимовича Зборовского. Теперь мне кажется удивительным, что ранее все мое «человеческое», не книжное, знакомство с учеными этой одной из старейших и известнейших в СССР / России социологических школ ограничивалось несколькими незабываемыми застольными встречами с профессором Львом Наумовичем Коганом в Ленинграде. Однако, именно так и было.

Зато потом все пошло быстро, дружественно, по нарастающей. 5 января 2014 года началась моя электронная беседа с Юрием Рудольфовичем Вишневым, а 13 февраля того же года – с Анной Петровной Багировой. Когда 27 октября 2013 года я впервые приехал в Екатеринбург для чтения лекций, я уже хорошо знал – пусть заочно – трех екатеринбургских социологов и, из интервью с ними, - немного историю развития социологии в том регионе.

В последний день января 2014 года я отправил первый вопрос интервью Полине Анатольевне Амбаровоу, 5 марта 2014 г. стало началом беседы с Владиславом Павловичем Засыпкиным, а 1 ноября того же года – с Галиной Борисовной Кораблевой. Все это дало возможность в первом полугодии 2015 года подготовить и издать в Екатеринбурге книгу «Социология на Урале: второе рождение и путь в XXI век» [1].

Если принять во внимание то, что, помимо интервью с названными учеными, в книгу были включены мое интервью с Александром Фридриховичем Филипповым о его отце – Фридрихе Рафаиловиче Филиппове, который долгие годы работал в Нижнем Тагиле, воспоминания Ю. Р. Вишневского, Г. Е. Зборовского и В. Т. Шапко об основателе Уральской социологии Л. Н. Когане и обширная статья Вишневского и Зборовского «Социология на Урале: проблемы становления и развития», то можно смело утверждать, что мое погружение в Уральскую социологическую школу состоялось. Теплоту человеческих отношений со многими коллегами я в полной мере ощутил осенью 2016 года, когда по их приглашению участвовал в работе V Всероссийского социологического конгресса, состоявшегося в Екатеринбурге.

Тогда же я познакомился с Марией Владимировной Певной, на тот момент недавно защитившей докторскую диссертацию по социологии и избранной заведующей кафедрой социологии (ее полное название – кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления) Уральского федерального университета. Прошло немного времени, и 1 февраля 2017 года началась наша беседа о вхождении Марии Певной в науку и о кафедре, которой она теперь руководит.

В развиваемой мною профессионально-возрастной типологии российского социологического сообщества выделено семь страт. В настоящее время становление и развитие Уральской социологической школы отражено в биографиях представителей пяти поколений: Л. Н. Когана (I поколение), Ф.Р. Филиппова (II поколение), Ю. Р. Вишневского и Г. . Зборовского (III поколение), Г. Б. Кораблевой (IV поколение) и четырех социологов VI когорты: П. А. Амбарово́й, А. П. Баги́ровой, В. П. Засыпки́на и М. В. Певно́й.

На мой взгляд, это – интереснейшая в историко-наукоеведческом отношении картина. Перед нашими глазами и жизнь одной из старейших в стране социологических – исследовательских и образовательных – структур, и жизнь представителей нескольких поколений аналитиков и преподавателей.

И так получилось, что интервью с Марией Певной зафиксировало, возможно, особый, сингулярный момент в траектории развития не только кафедры социологии УрФУ, но уральской социологии в целом. Мария Певная профессионализировалась под руководством Ю.Р.Вишневского и Г. Е. Зборовского – социологов III поколения, на становление которых мощное влияние оказал Л. Н. Коган, стоявший у истоков современной советской социологии. Так что перед Марией Певной стоит сложная задача: сохранить много десятилетние традиции Уральской социологической школы и внести в них новое видение социологии, присущее ее поколению.

Беседа с Марией Певной показывает, что она – готова к этому. Пожелаю ей успехов.

1. Социология на Урале: второе рождение и путь в XXI век / Под ред. Ю. Р. Вишневского, Б. З. Докторовой, Г. Е. Зборовского (Отв. ред.) — Екатеринбург: УрФУ, 2015.

Певная М. В.: «В беспокойную эпоху перемен я получила классическое университетское образование»

Мария, прошедший год был у Вас сложным и, надеюсь, он будет памятным... Вы успешно защитили докторскую диссертацию по социологии, возглавили кафедру социологии, сыграли заметную роль в подготовке и проведении V Всесоюзного Конгресса социологов. Поздравляю Вас. В конце нашей беседы мы обо всем это поговорим. А начнем — с начала... пожалуйста, расскажите о Вашей родительской семье, насколько глубоко Вы знакомы с ее историей? Где и как прошло Ваше детство?...

Очень интересный вопрос. В том круговороте событий, который меня окружает последние несколько лет, наверное, это очень важный вопрос. Благодаря нашей беседе я остановилась на время и еще раз осознала, прочувствовала, что моя семья, мои родители и другие близкие люди — самое дорогое, что у меня сегодня есть. Я выросла в самой обыкновенной советской семье. Светлана Закирзяновна, моя мама, и мой отец жили в соседних подъездах. Их семьи получили в начале 70-х гг. XX века новые, современные, отдельные квартиры в Пионерском поселке. Это был совершенно необычный для старого уральского города, выросший в Брежневские времена, «район со всеми удобствами». Я хорошо знаю эту историю, потому что самое лучшее время моей жизни — мое детство прошло в этом замечательном, большом и дружном советском дворе.

Моего папу Владимира Алексеевича Полухина и его младшего брата воспитывала только мама. Так получилось, что мой дед рано ушел из жизни, и вся нагрузка легла на плечи Александры Ефимовны, на которую я внешне очень сильно похожа. Пока мать была на работе, все домашние дела, а также заботы о брате лежали на моем папе, которому очень быстро пришлось повзрослеть. Он закончил училище, работал на нескольких работах, заботился о брате, вел хозяйство. В один прекрасный момент случайно увидел на улице мою маму и стал за ней ухаживать, помогая ей заботиться о ее младших сестрах—двойняшках.

В семье моей мамы четверо детей. Она была старшим ребенком, которого практически вырастила и воспитала бабушка отца. Родители мамы, моя бабушка Валя и дедушка Закирзян, работали геологами и всю свою активную жизнь провели в экспедициях, разыскивая воду и проводя геологические изыскания для строительства разных объектов в Башкирии, Казахстане, Челябинске. Забота о младшем брате Александре, маленьких двойняшках Оле и Тане после смерти бабушки стали первым важным делом в жизни моей мамы. Она успевала учиться в политехническом техникуме на химика-лаборанта, ходить на молочную кухню, стирать, убирать и гулять с сестренками во дворе. Так они и познакомились с отцом, гуляли вместе с двойняшками. Потом сыграли хорошую веселую советскую свадьбу в этом же дворе, через год родилась я. Интересно, что потом взрослые двойняшки гуляли уже со мной.

Мое детство — это воспоминание о большой дружной семье моей мамы, где всегда много гостей, родных и близких людей, много ватрушек и пирогов. Дружный двор, много родственников, соседей, детей и интересных событий. Думаю, что по современным меркам понятие «много детей» — это наше семейное ... (не могу подобрать точное слово пока) «по женской линии». Только в разные исторические периоды многодетность означала разное число детей в семье. В одни годы воспринималась

и была нормой, в другие, – почти отклонением или аномалией. В семье бабушки моего деда по маминой линии было девять детей, в том числе шесть дочерей и три брата. Они были зажиточными мещанами, имели свой дом в центре г. Екатеринбурга и небольшую, но прибыльную лавку. В семье моей бабушки Валентины было пять дочерей и три брата. Они до 30-х гг. XX века жили на Вятке, после переехали в поселок Косья, который находится у подножья горы Качканар в Нижнетуринском районе Свердловской области. Поселок был организован рядом с золотыми приисками. Дед всю жизнь работал сапожником, а моя прабабушка воспитывала детей. В семье моего прадеда по отцовской линии было три брата и одна сестра. У меня до сих пор практически о всех из них сохранились теплые воспоминания. Мать отца имела только одну сестру, которую я никогда не видела. У моей двоюродной сестры, одной из дочерей моего дяди трое детей. Три дочери сегодня и у меня.

Я долго думала, как же мне ответить на вопрос: «Глубоко ли я знакома с историей моей семьи?» Я знаю много фрагментов, живых историй, которые ценят и помнят мои родители. Они очень разные, простые и сложные, иногда пугающие теми суждениями, которые их сопровождают в словах моей мамы. «Жертва ежовщины», «пропал без вести», «об этом никогда не говорили, но трудовая книжка у него почему-то с 50-х гг.», «невеста купца Агафурова» и т.д.

Мне кажется, что Вы чувствуете себя членом большой семьи, это и есть самое важное... редкое чувство. Где Вы начали учиться, как пошло учение?

Да, Борис Зусманович, Вы попали в самую точку. Я действительно большой семьянин. Я своих родных, и коллег, и друзей очень часто воспринимаю как родственников :) С моими папой и мамой, бабушкой, дедушкой и двумя тетями я пошла в первый класс. Моя мама, несмотря на образование химика-лаборанта, много лет работала в должности начальника доставки в почтовом отделении нашего района. У нее в руках была волшебная подписка на редкие книжные издания, периодические журналы и газеты. Для кого-то из моего поколения этот факт, наверное, будет новостью, но в 80-е гг. XX века даже хорошие книги и журналы были в большом дефиците. Именно благодаря такой волшебной возможности моей мамы меня допустили учиться в первый класс одной из самых престижных гимназий нашего города, несмотря на то, что мне было только 6 лет. Моя первая учительница Феоктиста Георгиевна Харитоновна жила в соседнем доме. Очень часто мы вместе ходили по утрам на занятия в немецкую гимназию № 37. У меня была самая лучшая школа, самая лучшая учительница начальных классов и замечательный класс. В этом классе я проучилась только два года, но многие из моих первых одноклассников каким-то чудом в городе миллионнике встречались мне и в других учебных заведениях, где мне приходилось продолжать учиться или работать вместе с ними. Половину первого класса я жила с родителями, но потом вдруг папе дали на работе отдельную двухкомнатную квартиру в самом отдаленном районе нашего города. Мама и папа переехали жить на Химмаш, мама устроилась работать химиком-лаборантом, а меня пожалели, не стали переводить из такой престижной школы, оставив жить с многочисленными родственниками. Первые два года мне было очень трудно учиться, моей оценкой была средняя четверка. В этой школе мы писали массу сочинений (это с первого то класса!), читали (ничего не понимая) на немецком языке учебники, очень часто ходили в теа-

тры и на музыкальные концерты. С третьего класса меня перевели в самую обычную, я бы сказала провинциальную школу. С этого момента я стала круглой отличницей. Но мне было легко учиться и уже не так интересно.

Для обычной школы удаленного нецентрального городского района у нас был очень хороший педагогический состав, многих своих учителей я вспоминаю с благодарностью. Эта школа научила меня работать. Мы с 5 класса были как-то трудоустроены: мыли рекреации и получали за это зарплату уборщиц. Уроки профориентации научили меня печатать в слепую. Я ходила в кружок шитья и научилась шить благодаря своему любимому учителю русского языка и литературы Светлане Аркадьевне Воробьевой. Из всех учителей, которые меня учили в этой школе, она была самый необычный и неординарный человек с университетским образованием. На ее уроках мне всегда было очень интересно. Они, как мне кажется, сильно отличались от других предметов теми подходами, приемами и технологиями, которые она на нас успешно испытывала. Благодаря этому человеку я поняла, что обязательно должна учиться в нашем Университете. С ее непосредственным участием мне удалось сбежать из этой обыкновенной школы, поступить в Специализированный учебно-научный центр УрГУ(СУНЦ УрГУ) и вернуться жить к своей бабушке.

Информация об этом учебном заведении прозвучала по радио, в газете напечатали, что условия поступления в него (СУНЦ) будут специальными письмами разосланы по директорам школ. Я ходила каждую неделю в приемную директора, стояла у нее над душой. Она ничего не хотела давать нам, вдруг поступим и уйдем. Мне удалось достать только условия поступления в гуманитарный класс, хотя первоначально я собиралась в химический, но там сроки были самыми ранними, и мы их все пропустили не по своей вине. Для допуска к вступительным испытаниям нужно было написать реферат по литературе. У меня была только неделя. Я выбрала тему «Сказки Гоффмана». Светлана Аркадьевна научила меня их читать, включая свое воображение. Я записывала все мысли, которые у меня появлялись в процессе чтения, потом мы эти карточки обсуждали, вместе систематизировали. Я сама первый раз в жизни из своих собственных (не чужих) мыслей и идей смогла логически выстроить красивый текст. У меня ушла неделя на подготовку реферата. Я не ходила в школу, садилась работать в 7 утра, ложилась спать после 12 ночи. В итоге я прошла единственная на второй тур из шести моих одноклассников, которые тоже испытывали свою судьбу. За следующую неделю сидения дома я выучила наизусть учебник истории, по которому был тест. Прошла все испытания и поступила, несмотря на то, что конкурс в СУНЦ был выше, чем в университет. С этого момента у меня началась совершенно другая, новая, академическая взрослая жизнь.

Во-первых, Вы проявили весьма завидную для столь юного возраста целеустремленность, во-вторых, похоже, во многом определили свое будущее движение к знаниям и работе в науке. В чем же проявилась необычность этого учебно-научного центра, насколько успешным было Ваше обучение в нем?

Годы в СУНЦ УрГУ – это один из самых лучших периодов моей жизни. Я очень хорошо помню, что я чувствовала, когда я попала в стены этого учреждения. В 8 классе тебе кажется, что ты уже взрослый и самостоятельный, и вдруг к тебе именно так и начинают все вокруг относиться, совсем по-другому, не как в школе. В нашем лицее всегда царила атмосфера полной академической свободы, доверия и ответственности. Слава Богу до сих пор этот дух в СУНЦ живет, я вижу и чувствую это, когда общаюсь

с моей старшей дочерью, которая заканчивает в этом году 11 гуманитарный класс теперь уже в СУНЦ УрФУ. Совершенно уникальный педагогический состав новаторов, идейных людей, любящих детей, науку и свои предметы. Мы открывали для себя русскую и зарубежную литературу. Такие преподаватели, как Татьяна Васильевна Лопатина и Валерий Самуилович Рабинович, работали от души и сердца, учили нас не только думать, но и оценивать, вживаться в образы литературных героев и погружаться в те события, о которых мы вели долгие беседы. У нас были какие-то интересные учебные программы по литературе, истории, культурологии, русскому языку или они рождались вместе с нами. Химию и математику я вообще плохо помню, но в аттестате у меня все в порядке с этими оценками. Мы писали очень много творческих работ, сочинений, эссе. В наше время не было никаких шаблонов и образцов. Мы делали все сами, как умели и могли.

Я хорошо помню, что мне было стыдно не делать домашние работы. Вообще было стыдно пропускать занятия, приходиться не готовым на них. Нам задавали очень много читать, мы делали какие-то групповые работы, ходили в библиотеки. Занятия длились до 16.00 как минимум. Сначала шла общеобразовательная часть, а во второй половине дня мы посещали различные факультативы, которые вели исключительно сотрудники нашего Университета. У нас была уникальная возможность попробовать университетские курсы «на вкус». Оценки выставляли сессионно, никто никого как в школе не гонял, все были очень самостоятельными. Отдельная история, заслуживающая внимания, – это лицеисты. Мы все были разные, но какие-то все не совсем стандартные. Мы никогда не ругались и не ссорились, много и громко спорили, устраивали какие-то шикарные концерты и творческие мероприятия. Многие приехали из других городов и жили в нашем общежитии. После окончания СУНЦ и УрГУ очень многие разъехались по разным странам и городам. Однако мы до сих пор как-то поддерживаем связь друг с другом. Многих своих любимых одноклассников-одногоруппников я вижу не только в социальных сетях, но и по телевизору, слушаю кого-то по радио. Половина нашей группы ушла на журфак, вторая – на исторический факультет.

В лицее я посещала факультативы по истории культуры, факультатив по основам реставрационных работ и много других, которые сейчас уже и не вспомню. Последним факультативом был «Математические методы в исторических исследованиях», его вела практически целый год профессор Татьяна Ивановна Славко. Она учила нас «опрашивать» архивные документы, строить таблицы, графики и диаграммы, правильно интерпретировать количественные данные. Мы без компьютеров (по книжкам) изучали базы данных, разрабатывали регистрационные карты для анализа исторических источников. Думаю, что именно этот замечательный человек и его факультатив предопределил мой дальнейший профессиональный выбор. Я оказалась на истфаке УрГУ, стала студенткой и обучалась по специальности «Документационное и информационное обеспечение управления».

Вопрос Вы сами подсказали... чем Вас привлекла специальность «Документационное и информационное обеспечение управления»? В названии – мало собственно «исторического», скорее – «архивное». Это так?

Да, Вы безусловно правы. Я выпускница кафедры архивоведения и истории государственного управления. Но выбор мой был обусловлен далеко не интересом к архивному делу, а стечением обстоятельств, детскими мечтами и хорошим привлека-

тельным образом, который в то время сформировали на историческом факультете для этой специальности. Как социолог, который активно в команде Ю.Р. Вишневого включается последние 10 лет в изучение студенчества Свердловской области, участвует в мониторинге «Студент», могу через много лет дать какую-то критическую оценку своему личному выбору образования, конкретизировать внутренние убеждения, желания, представления и возможности, которые у меня были как у абитуриента или студента университета. Попробую подробнее остановиться на каждом факте, событии или представлении-воспоминании, которые в своем единстве и обусловили этот выбор 24 года назад.

Во-первых, я очень хорошо помню, что в школьные годы я мечтала работать секретарем руководителя большого коллектива какой-нибудь серьезной организации. Откуда взялась эта мечта? Точно не из книг и телевизора. Не было у нас и близких знакомых и родных людей, которые бы работали в таком качестве. Я помню, как моя мама как-то один раз привела меня на завод, где она работала. Мы пришли с ней в административный корпус заводоуправления и что-то вместе ждали в каком-то кабинете. В большой и светлой приемной начальника сидела очень красивая, строгая и умная (так мне тогда показалось) женщина, которая отвечала на телефонные звонки, быстро печатала на печатной машинке какие-то документы, нажимала кнопки на аппарате селекторной связи и важно что-то сообщала своему руководителю. Она произвела на меня неизгладимое впечатление, я для себя решила, что хочу быть похожей на нее и обязательно стану секретарем, буду профессионально помогать важному руководителю. Начала реализовывать я свою мечту с УПК. В советской школе был один день профессиональной подготовки в неделю на базе учебно-производственных комбинатов, где всех школьников в обязательном порядке учили на продавцов, секретарей, швей в рамках образовательной программы. С седьмого класса я целый год училась печатать в слепую, с большим удовольствием осваивала основы делопроизводства. Документ правда так и не получила, так как ушла из общеобразовательной школы в СУНЦ, но определенные функциональные знания и умения я накопила, мечту сохранила и пошла дальше.

Вторым обстоятельством в моем выборе была встреча с Татьяной Ивановной, о которой я говорила раньше. Ее занятия помогли мне понять ценность работы с документами и информацией. Теперь я точно могу сказать, что благодаря этим занятиям я начала понимать, какая работа может приносить лично мне удовольствие. Я увидела на конкретных примерах, что за цифрами в таблицах, которые ты сам составил, может стоять новое знание. На первый взгляд, связь аналитической работы с документальными источниками и детской мечтой какая-то неочевидная. Но стечение обстоятельств, а именно работа проф. Т. И. Славко на кафедре архивоведения и государственного управления, расставило все на свои места. Я получила информацию как абитуриент прямо «из первых рук» от человека, чьи научные интересы и деятельность мне очень нравились.

Третье определяющее мой выбор событие — день открытых дверей, где мне просто нарисовали образ моей мечты, только в самых красивых и радужных красках. Я, как выпускник по этой специальности, должна буду иметь широчайший кругозор как историк, я смогу научиться не только печатать на машинке и знать делопроизводство, но и буду уметь профессионально работать на компьютере, проектировать и создавать базы и банки данных, обрабатывать информацию, собранную в них, знать основы маркетинга, обладать потенциалом аналитика и т.д.

Выбор был сделан. Моя группа – первый выпуск исторического факультета по этой специальности. Наши замечательные преподаватели многое учили вместе с нами. Идеальная картинка, нарисованная на дне открытых дверей, оказалась далека от реальности. Банки данных мы проходили по книжкам, маркетинг изучали по неважному переводу Котлера. Но море философии и истории, научные работы по архивным документам, университетское общение, замечательный коллектив – бесценное приобретение для меня. В беспокойную эпоху перемен я получила самое настоящее классическое университетское образование.

Итак, Мария, на вопрос о выборе специальности Вы дали исчерпывающий ответ... слова «настоящее классическое университетское образование» – очень емкие, но – как следствие – многозначные. Давайте попробуем его конкретизировать через название изученных курсов и имена профессоров, которые Вам преподавали....

Мне стало самой очень интересно понять, что же я действительно вкладываю в понятие «классическое университетское образование». На мой взгляд, определяющим результатом обучения в классическом университете является формирование широкого кругозора, свобода мысли, критический взгляд на события прошлого и настоящего, а также умение работать с очень большим информационным массивом. Думаю, что есть еще один важный момент – это желание всегда учиться чему-то новому. Мой опыт обучения в университете позволил мне пройти школу УрГУ дважды. Первый диплом я получала как студент исторического факультета, второй диплом социолога был итогом профессиональной переподготовки на факультете дополнительного образования.

На специалитете у нас были классические курсы философии, русской философской мысли, экономики, культурологии и т.д. Практически треть дисциплин моего первого диплома – это история в самых разных своих вариациях. Мы прослушали курс истории древнего мира, историю средних веков, новую и новейшую историю и т.д. У нас была история России, разбитая на разные исторические периоды. Кроме того, моя специальность предопределила наличие в учебном плане таких предметов как история государственного управления, история делопроизводства...

Были и специализированные дисциплины, о которых я уже говорила, новые и очень необычные для того времени. Особенно мне запомнился предмет «защита информации, или информационная разведка». У меня очень долго хранилась тетрадка по этой дисциплине, которая была очень подробным и системным конспектом лекционных материалов, базирующихся на переводном учебнике для специальных служб. Некоторые сюжеты из нее я использовала и в своей педагогической деятельности через достаточно серьезный временной период. Актуальность этой информации не была потеряна. Мой любимый преподаватель и научный руководитель канд. ист. наук Юлия Анатольевна Русина, которая до сих пор успешно работает на историческом факультете, разрабатывала эту дисциплину, как и многие другие новые предметы, сутками просиживая в читальном зале нашей центральной городской библиотеки им. В. Г. Белинского, так как выносить такие издания за пределы академических читальных залов было категорически нельзя.

Если говорить о наших профессорах, то, к сожалению, мне не удалось, как многим моим коллегам, послушать лекции Л. Н. Когана. Но у нас читали такие известные историки, как В. П. Степаненко, А. В. Черноухов, В. П. Матревич, Л. Н. Мазур. Читал нам и первый проректор УрФУ Д. В. Бугров – про внешнеэкономические связи Урала.

Я закончила УрГУ в 1998 году, в 2004 году вновь пришла в свой родной Университет на обучение как молодой преподаватель вуза. Именно в этот период мне удалось прослушать курсы ведущих уральских социологов, влюбиться в социологию и перейти работать в УГТУ-УПИ на кафедру социологии и социальных технологий управления. С большим удовольствием я прослушала просто блестящие лекции по истории социологии Е. С. Баразговой, курс социологии города Е. Н. Заборовой, социологию молодежи Ю. Р. Вишневого. В итоге у меня был не только диплом, но и моя дальнейшая профессиональная судьба. Я стала сотрудником кафедры проф. Вишневого и его соискателем.

Мария, в 2004 году? Зная, как много за прошедшие десять с небольшим лет Вы сделали, можно утверждать, что шагали Вы семимильными шагам... прекрасно... раскрутим это движение? По какой теме Вы стали работать под руководством Юрия Рудольфовича?

Встреча с Юрием Рудольфовичем была неслучайной случайностью. С 2002 года я работала в Уральском институте социального образования (УРИСО – филиал РГСУ в г. Екатеринбурге) на кафедре социальной работы проф. Ю.Н. Галагузовой с самым замечательным практикующим в социальной сфере социологом Надеждой Борисовной Качайновой. Она у нас была не только кандидатом философских наук старой школы, но и специалистом, который с 90-х гг. XX века всегда держал руку на пульсе изменений в сфере социальной защиты населения. Именно тесное педагогическое и научное общение с ней подтолкнуло меня к решению пойти на переподготовку по социологии в УрГУ. Именно она посоветовала мне попроситься к проф. Ю. Р. Вишневскому на кафедру после получения второго диплома. Надежда Борисовна давала мне почитать из своей личной библиотеки первые книги по социологии «Мнение о мире и мир мнений», «Рабочую книгу социолога» и др. Она в долгих дискуссиях со мной направляла логику моего научного интереса, открывая для меня не только богатейших мир социологии и социальной работы, но и заставляя думать, осмысливать противоречивость тех процессов, которые происходили в конце столетия в образовании и сфере социальной защиты. Вместе с ней мы корректировали первую мою программу социологического исследования. Я провела и обработала самостоятельно свой первый опрос студентов УРИСО РГСУ по проблеме социального самоопределения молодых специалистов сферы социальной работы, который в дальнейшем мы рассматривали с проф. Ю.Р. Вишневым как пилотаж большого исследования по целому ряду вузов Свердловской области, где велась подготовка студентов по этой специальности.

Юрий Рудольфович в этот период активно развивал на своей кафедре специалитет «социальный менеджмент». Его идеология человеко-ориентированного сервиса абсолютно во всех секторах общества и те новые развороты социальной политики, которые только начали озвучивать в теории социальной работы в тот период, были очень близки. Так мы и нашли друг друга – я и замечательная кафедра социологии и социальных технологий управления Ю. Р. Вишневого.

В корректировке моей темы и вообще в активной научной работе того периода очень большую роль сыграли несколько социологов нашей кафедры. Я не могу не написать Вам об этом, так как именно в процессе написания кандидатской диссертации я поняла, что социология – дело коллективное, а интересное/успешное исследование – эта работа многих людей, которые доверяют и поддерживают друг

друга, не бояться спорить и не соглашаться, не жалеют своих идей, всегда готовы помочь коллеге. Ученый секретарь, близкий друг заведующего и один из выдающихся уральских ученых Валерий Трофимович Шапко, когда я приходила на консультации к Юрию Рудольфовичу, всегда участвовал в наших активных обсуждениях теоретических проблем. Именно он предложил уйти от профессионального самоопределения к профессиональной идентификации студенчества, связав эту проблему с институционализацией социальной работы как нового вида профессиональной деятельности. Он читал мои тексты, давал советы, ставил вопросы. Общение и работа с ним была настоящим удовольствием. Свою лепту в мое взросление как преподавателя и социолога-исследователя внесла Галина Борисовна Кораблева, которая в своих суждениях была иногда резка и прямолинейна, но очень доброжелательна и общительна. С Галиной Борисовной мы обсуждали разрыв между инновационными подходами в высшем образовании по социальной работе и реальной профессиональной деятельностью специалистов в органах социальной защиты населения, спорили о проблеме профессионального престижа. Ее монография «Профессия и образование: социологический аспект связи» была для меня не только научным источником по моей собственной теме, но и определенным образцом качества социологической теории. Многие мне дало общение с молодым кандидатом социологических наук, ученицей Ю. Р. Вишневого, Я. В. Дидковской. Нельзя не вспомнить с благодарностью и моих коллег Н. В. Костылеву и Е. Н. Нархову, с которыми мы познакомились в УрГУ, вместе сдавали кандидатские экзамены, тесно общались несколько лет, учились друг у друга и защищались в 2005 году.

Я согласен с Вами, социология – дело коллективное, как говорит один мой друг: «работа в упряжке», и все же диссертация – дело сугубо личное. Расскажите о Вашей работе на кандидатской диссертацией, о том, что удалось сделать.

Начало XXI века было периодом, когда в России активно происходили процессы трансформации рынка труда, появлялись новые профессии и профессионалы, удовлетворяющие новые потребности рыночно ориентированного общества. Работодатели все чаще хотели видеть у себя работников именно с высшим образованием. В обществе, особенно среди молодежи, существенно трансформировалась шкала престижности профессий, которая определяла степень привлекательности тех или иных видов деятельности. В общественном мнении наметился переход от принципа социальной значимости и сложности требуемого образования для практической деятельности к принципу получения возможности быстрого увеличения личного дохода. В этих непростых условиях в нашей стране появилась и развивалась новая профессия – социальная работа. В российское высшее образование эта специальность пришла в 90-е гг. XX в. Студентов начали обучать по образцу ведущих европейских университетов, где такая профессиональная подготовка имеет многолетние традиции. Однако молодые специалисты, получив диплом о высшем образовании и достаточно хорошую теоретическую подготовку, со всем не стремились идти работать в сферу социальной защиты. В тоже время система социального обеспечения не особо и ждала инновационные кадры. Многие структуры работали по-старому, зарплата у специалистов социальных учреждений была невысокой, в новых методах и подходах особенно никто не нуждался. Как молодого преподавателя, наблюдавшего за студентами – будущими специалистами по социальной работе, меня беспокоила эта проблема. Мне хотелось не только найти теоретическую основу для понима-

ния причин, следствий и последствий складывающейся социальной ситуации, но и определенные практические решения, направленные на преодоление возникающих противоречий.

В качестве теоретической основы моих исследований выступило понятие «профессиональная идентификация» не в психологическом, а в социологическом значении. Во-первых, в диссертации это понятие рассматривалось в контексте профессионального самоопределения молодежи на этапе получения профессионального образования как наиболее важного периода изучаемого процесса, когда закладывается ценностное ядро личности специалиста и происходит овладение основами профессиональной культуры. Во-вторых, именно этот концепт лучше всего отражал механизм развития новой для России профессии, помогал понять характер воспроизводства профессионального сообщества. В-третьих, по моему убеждению, он был своеобразным мостиком между профессиональным образованием и практической сферой деятельности.

В тот период, когда я писала диссертационную работу, противоречие между образовательной подготовкой студентов по этой специальности, которая осуществлялась на очень высоком профессиональном уровне во многих российских вузах за счет международных проектов, обеспечивших стремительное становление научных школ социальной работы З. М. Саралиевой, В. Н. Ярской, Е. И. Холостовой, и медленной трансформацией системы социальной защиты населения, осложняющей институционализацию относительно новой для нашей страны профессии, было на самом пике. В этом проблемном поле складывались особые условия и активизировались различные факторы, влиявшие на процесс профессиональной идентификации студенчества. Эмпирические исследования позволили выявить и систематизировать причины дисфункциональности профессиональной идентификации, возникающей на этапе получения образования по конкретной специальности. Опрос студентов доказал, что в процессе обучения большинство студентов не только не идентифицируют себя с выбранной профессией «социальная работа», но и к окончанию ВУЗа категорически не желают работать в выбранной профессиональной сфере.

Прошли годы, ситуация постепенно меняется. Сегодня сфера социальной защиты трансформируется, все больше молодежи трудоустраивается в социальных учреждениях, где постепенно внедряются новые технологии и формы работы. Для меня очень важно сознавать, что в решении этой важной социальной проблемы есть и наш небольшой вклад с проф. Ю.Р. Вишневым. Через год после защиты по результатам диссертационного исследования и тем практическим решениям, которые были сформулированы в работе, мы подали заявку в Российский гуманитарный научный фонд и выиграли грант на три года для реализации проекта «Повышение престижности профессий социальной сферы». За три следующих года на нашей кафедре было проведено исследование имиджа профессии «социальная работа» в Свердловской области и разработаны рекомендации по информационному взаимодействию социальных учреждений системы социальной защиты населения Свердловской области со СМИ. Мы провели целую серию практических семинаров для специалистов, где не только представляли результаты своих исследований, но и обучали их эффективно взаимодействовать с населением и журналистами.

Очень интересно и ново для меня; когда я уезжал из России, в 1994 году, эта тема крайне редко обсуждалась социологами, среди моих коллег помню лишь тревожные размышления Я. И. Гилинского. Завершилась аспирантура, Вы продолжили разрабатывать эту проблематику или задумывались о чем-либо новом? Как шла Ваша преподавательская деятельность?

В 2008 году моей второй дочери уже исполнилось три годика, и я смогла полностью выйти работать в УГТУ-УПИ на кафедру, начала преподавать не только социологию, но и такие дисциплины, как связи с общественностью, информационная работа в органах власти и социология массовых коммуникаций. Я продолжала активно взаимодействовать региональным министерством социальной защиты, наши студенты на практике проводили там небольшие исследования при моем активном содействии. Я руководила НИРС сначала на кафедре, потом на факультете, постоянно общалась с самыми лучшими, активными и талантливыми студентами. В свободное время мы организовывали небольшие выезды в подшефный детский дом, готовились к научным конкурсам и олимпиадам, университетская жизнь, как говорится, кипела полным ходом. Мои научные интересы все время оставались в ареале социальной работы, профессионализации, социального управления. Меня интересовало то, как выстраивается в динамично развивающейся социальной сфере нашей страны социальное взаимодействие масс-медиа, власти, различных социальных групп, как взаимодействуют профессионалы с потенциальными и реальными клиентами, как развивается профессиональное сообщество.

Точно помню, что у меня было острое желание искать возможности для своего профессионального социологического роста, не хватало социологического образования. Но..., кто ищет, тот всегда найдет! В 2009 году я подала заявку в институт социологии РАН на курсы повышения квалификации, которые проводились при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров. Мне не нужно было оплачивать обучение и проживание, я целых три недели слушала лекции ведущих социологов в «Школе полевого исследователя-качественника». У нас в группе молодых социологов со всей России читали И. Штейнберг, В. И. Ильин, Е.Р. Ярская-Смирнова, А. Г. Левинсон, Е. Ю. Рождественская.

Это был замечательнейший опыт не только теоретического, но и практического обучения. Именно там я первый раз попала в очень эмоциональную и захватывающую дискуссию вокруг идей М. Борового о профессиональной, публичной, критической и прикладной социологии. Мы обсуждали проблемы нарушения институционально закрепленных связей между наукой, государством и обществом, изменение сути содержания разных видов профессиональной деятельности, степени профессионализма и т.д. Мы учились «двойной рефлексии» Т. Шанина, практиковали «метод длинного стола». Кстати, я со многими «студентами» нашей группы до сих пор поддерживаю и дружеские, и профессиональные отношения. Мы писали выпускные работы по результатам глубинных интервью с лучшими российскими социологами. Я брала интервью у В. А. Мансурова по проблеме трансформации института профессии в глобальном контексте и национальных границах, мы обсуждали имидж профессиональных групп как объект социологического исследования, а также существующие методики исследования в социологии профессии, их применимость к изучению тех процессов, которые происходили в нашей стране с социальной работой. В результате трехнедельной московской командировки моя домашняя библиотека пополнилась большим количеством социологических книг (я отправила 3 большие

посылки домой), у меня появились новые друзья-социологи из разных российских регионов, я приобрела новые знания, умения и навыки, а главное — много идей для дальнейших проектов и статей.

Да, Мария, то безусловно, был очень сильный состав преподавателей. Со всеми, кроме Левинсона, я проводил интервью, но его я знаю с 1988 года по совместной работе во ВЦИОМе. Своим ответом Вы опередили один из моих вопросов. До Вашего рассказа о «Школе» у меня создавалось впечатление о Вашей «региональной замкнутости» (причины были ясны, но само по себе это тормозит профессиональный рост), Вы это опасение развеяли. В Москве Вы обогатились теоретически и методологически. Какие исследовательские перспективы открылись перед Вами? В какую исследовательскую сторону Вы стали постепенно сдвигаться?

Интересный вопрос. После этой командировки я оказалась на границе территорий количественных и качественных исследований. Стала еще больше погружаться в проблемное поле социологии профессий, начала более пристально рассматривать методологию исследований социальной политики, социальных движений. Уральская школа социологии, как мне кажется, была и остается ближе к позитивистской традиции. Мне было сложно осваивать новую методологическую волну качественников в эмпирических исследованиях, которые проводила наша кафедра. Не всегда я сама понимала и осознавала ценность взаимодополняемости этих традиций в конкретных исследовательских проектах. Многое мы с коллегами делали, руководствуясь внутренней интуицией. Так называемая стратегия Mixed Methods Research оттачивалась на практике. Мы изучали по заказу региональных министерств проблемы уральской молодежи, выполняли заказы, связанные с изучением разных локальных социальных проблем нашего региона и т.д.

В 2012 году мы начала работать с профессором Г. Е. Зборовским. Этот замечательный человек в моей судьбе сыграл очень важную роль. Именно благодаря ему изменилась наша кафедра — научная работа стала приобретать признаки системности. Мы начали регулярно проводить научно-методологические семинары под его руководством, на кафедре стали более четко формироваться научные направления, активнее стали и научные коллективы/группы. Очень многое во мне самой изменилось благодаря Гарольду Ефимовичу. Я поймала себя на мысли о том, что когда работаешь с «идеальными людьми» (в личностном и профессиональном плане) — стыдно быть каким-то другим. Я начала очень быстро меняться. От него я переняла такие качества, как обязательность и пунктуальность. Он всегда делился и продолжает делиться своим профессиональным социологическим опытом и знанием. Когда мы в самом начале пути совместной работы обсуждали багаж моих исследований и научных достижений, именно он предложил мне достаточно нестандартную постановку диссертационной проблемы — «Волонтерство как профессия». Таким образом, весь проблемный клубок, который меня окутывал, укладывался в очень интересный комплекс взаимосвязей — как теоретических, так и практических. Со временем мы вышли на более широкую тему и стали рассматривать волонтерство как социальный феномен именно в контексте управления. Но я лишняя раз убедилась в глубине его теоретического мышления как социолога, когда обнаружила в прошлом году в ходе экспертных интервью, что руководители наших региональных НКО выставляют на общегородской интернет-ресурс объявления о вакансии «волонтер», описывают

профессиональные требования к кандидатам, но в графе заработная плата просто ставят прочерк. Они делают это и считают такой способ рекрутирования добровольцев в свои организации наиболее результативным.

Наши исследования оказались крайне востребованы как в теоретическом, так и в практическом плане. Интерес к волонтерству возрастает с каждым годом, это движение занимает свое особое место в информационной повестке государственного управления, добровольчество все чаще становится частью повседневных практик многих россиян. Как бы власть не замалчивала определенные проблемы, в России происходят активные изменения, связанные с динамикой социальной активности населения и желанием государства в лице чиновников контролировать эти процессы. В отличие от политической и протестной активности, волонтерское участие населения начинает восприниматься властью неоднозначно. С одной стороны, ресурс добровольных помощников оказывается очень востребованным в разных сферах жизни общества, само движение развивается и поддерживается во всем мире. С другой стороны, как сильная и высоко ресурсная общность, обладающая потенциалом самоорганизации, волонтеры представляют определенную опасность для разных структур власти. Так происходит потому что общность волонтеров в стране достаточно представительна, актуальна и потребность в управлении российским добровольчеством, которое по своим внутренним характеристикам является неоднозначным и противоречивым. В своих исследованиях мы в целом и постарались изучить природу противоречия между активно развивающимся в мире социальным феноменом волонтерства, отражающим глобальные тенденции в сопряжении с его национальными особенностями, и несовершенством формирующихся в российском обществе механизмов управления волонтерами и их деятельностью, которые определяют условия для ее реализации и результативности.

Следует отметить, что сегодня благодаря ФОМ и ВШЭ накоплены результаты целой серии социологических исследований этого движения в нашей стране. Они показывают, что сейчас идет стихийное развитие отношений внутри волонтерского сообщества. В институциональном взаимодействии государственного, третьего и бизнес-секторов, где волонтеры начинают выполнять некоторые социальные функции, а отдельные волонтерские группы играть определенные социальные роли, система отношений находится в своем становлении, а нормативная и организационная структура не всегда отвечает потребностям самих волонтеров.

Я считаю, что благодаря работе российских коллег и эмпирическим исследованиям, которые мы провели за последние пять лет в Свердловской области, сделан гигантский шаг в продвижении методологии исследования этого социального явления. Ценность сегодня имеет тот исследовательский подход, который позволяет рассматривать волонтерство как социальную общность, как деятельность и как социальный институт. В своих исследованиях я с коллегами под руководством Г. Е. Зборовского постаралась раскрыть суть феномена волонтерства, который можно рассматривать как общность волонтеров, включающую в себя разные сообщества и группы, реализующую общую по своим сущностным признакам деятельность и попадающую в поле управления. При этом в своем системном измерении он проявляется в частных формах и видах в экономическом, в правовом и политическом контекстах. Становление волонтерства как института в определенных территориальных или географических рамках способствует объективному построению новых организационных структур, формирующих, регламентирующих и контролирующих новые

правила игры среди его членов. Наш подход позволяет искать объяснение специфике институциональных форм, процедур и символов определенных волонтерских организаций и тому, как добровольческие практики распространяются в управленческом поле на международном, национальном и региональном уровнях. Мы изучали и продолжаем изучать создаваемые акторами структуры внутри общностного и внешнего взаимодействия, которые превращают их ценностные представления в важнейший фактор поведенческой мотивации, уменьшают неопределенность, организуют повседневную жизнь, в которую вписывается волонтерская деятельность.

С каждым годом становится все очевидней, что в нашей стране проявляется искусственно создаваемая структура социального управления, основными функциями которой является координация и программирование деятельности волонтеров. Управление волонтерством включается в систему государственного регулирования взаимодействия разных социальных общностей. В данной структуре активизируется сегодня множество субъектов управления, в качестве которых выступают органы государственной законодательной и исполнительной власти, институт местного самоуправления, государственные подведомственные учреждения сферы культуры, образования, здравоохранения и социальной защиты, некоммерческие и коммерческие организации и их сотрудники. Объектом управления становятся волонтерские организации, общность волонтеров и ее отдельные подобности. В российских реалиях управление волонтерами реализуется как прямо — на макроуровне (федеральное, региональное и локальное управление) и на мезоуровне отдельных организационных структур, так и опосредованно, — на макроуровне, где осуществляется государственное регулирование деятельности третьего сектора и волонтеров федерального, регионального и местного значения. Отдельные аспекты управления (самоуправления) волонтерами очевидны также и на микроуровне — в процессе неформальной самоорганизации россиян. Структура социального управления волонтерством включает четыре условно выделенных уровня управленческой регуляции: глобальный, национальный, организационный и межличностный. Эти уровни характеризуют сетевые связи, формальные и неформальные нормы взаимодействия основных акторов, административно-организационную иерархию. Системообразующее значение на всех уровнях имеет сложная, гибридная общность волонтеров, включающая разные волонтерские подобности (группы и сообщества). Именно ее мы сегодня с коллегами и продолжаем все глубже исследовать, обращаясь к разным видам волонтерства (международному, спортивному, военному, детскому и т.д.).

Нельзя подтвердить, проиллюстрировать сказанное какими-либо эмпирическими данными. Скажем, кто эти граждане, которые активно включены в волонтерство, какова их мотивация, какими видами деятельности они занимаются? Как власти могут поддерживать волонтеров и их организации, каким образом и почему (если такое случается) их активность тормозится? Можно ли в самых общих чертах указать различия в волонтерстве в России и на Западе?

До 2016 года в исследованиях можно было встретить очень разные данные по волонтерству в нашей стране. Разрыв в цифрах был просто колоссальный — к волонтерам социологи относили от 2% до 57% от числа граждан старше 16 лет. Большинство исследователей, однако, были уверены, что число россиян, имеющих опыт работы в НКО в качестве волонтеров, не превышало 3%. По данным Gallup's World View World Poll (Мировой индекс благотворительности 2016 года), 12% населения нашей

страны старше 15 лет работали в некоммерческих организациях в качестве волонтера, 35% россиян оказывали помощь непосредственно нуждающемуся в ней незнакомому человеку. Согласно данным Л. Саламона (Johns Hopkins comparative Nonprofit sector project), в России 73 млн взрослых россиян имеют опыт волонтерской деятельности. По данным Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора ВШЭ (Всероссийский опрос, 2017 г. 2000 респондентов), 28% россиян участвовали в деятельности хотя бы одной НКО, 25% занимались добровольчеством за последний месяц, 41% – за последний год. Это далеко не все самые последние социологические данные, которые сегодня есть относительно российского волонтерства. Но они показывают, что в нашей стране действительно много людей, которые помогают и готовы оказывать безвозмездную помощь нуждающимся в ней людям, решать насущные социальные проблемы. Однако возникает очевидный вопрос: «Почему эти данные такие разные?». Однозначного ответа нет, но есть ряд важных особенностей самого явления и отсутствие методологического и методического единства среди исследователей всего мира, изучающих добровольчество.

Во-первых, общность волонтеров в нашей стране, как и в других странах, динамична за счет субъективных факторов и объективных причин (сегодня я этим занимаюсь, а завтра не хочу или не могу себе позволить; кризисы и чрезвычайные ситуации существенно влияют на число волонтеров в той или иной стране, регионе ит.д.). В обществе появляются новые проблемы-вызовы, именно волонтеры начинают на них реагировать, как следствие появляются новые виды волонтерства. Эти и многие другие нюансы серьезно отражаются на цифрах социологов, исследующих волонтерство.

Во-вторых, во многих странах, а особенно в нашей, есть большое количество волонтерских практик, которые население просто не идентифицирует, не определяет для себя как волонтерство (соответственно, и в исследованиях тоже). В теоретическом плане в своих исследовательских проектах мы маркировали большинство таких практик как «полуволонтерство». В то же время, есть определенная часть людей, которые считают и называют себя волонтерами, но по сути они этим видом деятельности никогда в реальности и не занимались, а просто, например, участвовали (как зрители) в каком-то мероприятии или носили майки с надписью «волонтер».

В-третьих, исследователи во всем мире только начинают делать попытки договориться, что же можно считать волонтерством, как этот вид деятельности можно теоретически определить и в практическом смысле измерить. Наибольшие расхождения в исследовательских позициях обусловлены организованным и неорганизованным характером деятельности волонтеров, регулярностью их труда, сферами, где этот труд приносит реальную пользу обществу и т.д.

В-четвертых, разница в социологических данных обусловлена отсутствием единства подходов в методике исследования. Банально: кто-то задает один и тот же вопрос, но выясняет наличие опыта респондента за последний месяц, год или за последние три года. Росстат, как и большинство международных организаций, свои измерения проводит за последний месяц. Существенные изменения в данных появляются когда респондентами являются люди разного возраста. Кто-то учитывает в генеральной совокупности население с 14 лет, в другие опросы включают население только с 16 или 18 лет.

Именно по этим выше указанным причинам мы имеем сегодня разные данные. Радует одно — эти цифры все равно оказываются большими. Кроме того, можно смело говорить о волонтерском потенциале россиян, готовности многих принимать участие в этой деятельности. По самым последним данным ВШЭ, каждый второй россиянин готов работать волонтером хотя бы в одной НКО.

Если кратко дать характеристику российским волонтерам, то можно отметить, что у волонтерства в нашей стране — «женское лицо». Из 4% россиян, имеющих опыт волонтерской деятельности в НКО, 49% имеют высшее образование (Фомнибус, 2014 г.). Особая роль в развитии волонтерства ложится на людей с высшим образованием и постоянным доходом. Они благополучны, достаточно успешны и материально устойчивы, но в то же время не «супербогаты». Особенность, которая отличает именно российское волонтерство сегодня, обусловлена временем, которое тратят люди на эту деятельность. Российское волонтерство — это преимущественно эпизодическая деятельность только определенных, как правило, организованных видов (событийное, спортивное, социальное и т.д.). По данным наших исследований, например, на Среднем Урале 49% добровольцев занимались волонтерством время от времени, в среднем не чаще 3–5 раз в год, 35% — 1-2 раза. Еще одна характеристика — недооценка волонтерами и многими, кто пытается организовывать их деятельность, осознанности выбора добровольчества. При отсутствии должного опыта управленцев в этом направлении и неразвитости практик профессиональной организации деятельности волонтеров эта характеристика приводит в нашей стране к распространности разового или случайного волонтерства, особенно среди молодежи, на которую преимущественно нацелена государственная политика по поддержке добровольческой активности населения. Российское волонтерство в целом характеризуют: стихийность практик нормативно-правового регулирования его различных видов; несформированность инфраструктуры, сопряжённая с неразвитостью третьего сектора в российских регионах именно как провайдера волонтерской деятельности. Кроме того, нельзя не отметить, что бедные люди не могут помогать другим, так как им, как правило, самим требуется помощь, а в нашей стране в последнее время экономическая ситуация только ухудшается.

Если же сравнивать российское добровольчество с тем, что происходит с этим движением на Западе, то безусловно следует посмотреть на опыт и историю США как своеобразной «Родины волонтерства» или как лидера по распространности этой деятельности среди населения (по данным CAF). Во-первых, в отличие от нашей страны, где волонтерство в большей степени неформализованное, в США волонтеры работают только в организациях, а волонтерство развивается в рамках отрегулированного нормативно-правового поля в созданной государством инфраструктуре, где преобладают партнерский тип отношений и взаимовыгодное сотрудничество всех участников. Волонтерство в США характеризует трансформирующаяся в соответствии с политической и экономической повесткой дня государственная политика развития волонтерства. И, в отличие от нашей страны, если экономическая ситуация дестабилизируется, то на волонтерство целенаправленно выделяют дополнительные ресурсы, в том числе и для того, чтобы обеспечить определенный уровень жизни самих волонтеров. Таким образом, американскому волонтерству присущ прагматизм деятельности волонтеров, а национальная пропаганда их труда только способствует национальной внутриобщественной идентификации волонтерского сообщества

в стране. Следует подчеркнуть, что развитость третьего сектора и история самого движения определяют высокий уровень профессионализации как самой деятельности волонтеров, так и управления ею.

Что же касается мотивов и содержания деятельности волонтеров именно в России, то наши исследования зафиксировали отличия разных возрастных групп добровольцев в их мотивации и в выборе направлений волонтерства. Среди волонтеров от 18 до 30 лет 66% занимались спортивным и событийным волонтерством. В возрастных группах 31–45 и 46–60 лет наиболее популярно социальное волонтерство в разных формах. Однако волонтеры от 46 до 60 лет чаще остальных оказывают помощь именно как профессионалы. Нашей исследовательской группой выявлены отличия в мотивации добровольцев разных возрастных групп. Для всех добровольцев на первом месте оказывается возможность помогать другим людям. Волонтеры от 18 до 30 лет ценят профессиональное и карьерное развитие. В пять ведущих мотивов они поставили альтруизм (52%), полезные знакомства (42%), опыт работы (39%), общение с интересными людьми (30%) и опыт общественно-политической деятельности (30%); у волонтеров от 31 до 45 лет после альтруизма (42%) на втором месте оказался мотив заниматься любимым делом, хобби (30%), а у волонтеров 46–60 лет – уважение окружающих (32%). Хочется отметить, что мотивация добровольческой деятельности – это очень сложная проблема. У разных добровольцев могут быть абсолютно разные мотивы, но все же важно отметить два аспекта. Во-первых, в начале пути у большинства людей обычно бывают исключительно альтруистические мотивы, значительно реже – только эгоистические. Во-вторых, суть добровольчества, сама деятельность по её содержанию, очень часто способствует тому, что мотивация волонтеров начинает меняться. Как правило, чем дольше человек этим занимается, тем чаще его мотивация становится смешанной – объединяет как альтруистические, так и прагматические мотивы. Именно такая мотивация и обеспечивает то, что люди не бросают добровольчество. Они, как правило, планируют им продолжать заниматься в своем будущем.

Следующий Ваш вопрос затрагивает отношение власти, государства, чиновников к волонтерам и их деятельности. На международном уровне важность выстраивания отношений между государством, волонтерскими организациями и волонтерами официально декларируется и продвигается в международной политике благодаря организации «Волонтеры ООН». В 2015 году в рамках данной программы ООН разработан план действий, который направлен на формирование в разных странах благоприятных условий для повышения гражданской активности и активизации гражданских действий населения. Этот план предполагает интеграцию идей добровольчества и действий добровольцев разных стран в национальные и глобальные стратегии развития. В документе сформулированы ключевые проблемные направления, в которых разные страны мира должны больше всего поддерживать добровольцев. К ним относятся: защита окружающей среды, смягчение последствий изменения климата, снижение рисков стихийных бедствий; сокращение масштабов нищеты и расширение экономических возможностей, в том числе и занятости (особенно для молодежи); поддержка гендерного равенства, расширение экономических возможностей и борьба с насилием в отношении женщин; развитие здравоохранения.

Наше государство в целом поддерживает эту глобальную повестку. Сегодня на федеральном уровне явно прослеживается активность чиновников, которые спешно начали выполнять поручение Президента РФ, развивая СО НКО и стимулируя

волонтерство на местах, в российских регионах. АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» (АСИ) начало реализацию нового системного проекта «Развитие волонтерства (добровольчества) в регионах». Задачи данного федерального проекта сводятся к разработке мер государственной поддержки добровольчества, основанной на лучших практиках, и обеспечением групп населения всех возрастов доступом к возможностям добровольчества в локальных сообществах. В столице нашей Родины активно разрабатывается концепция развития добровольчества в социальной сфере до 2020 года и плана действий по ее реализации. В российских регионах эта инициатива пока официально не представлена. Не совсем понятно — а регионы в этот процесс кто-то привлекал вообще, нет? В разных субъектах РФ чиновники очень по-разному понимают свои задачи в этом направлении. Кто-то принял законы, региональные программы, выделил ресурсы. В некоторых субъектах вообще никакой официальной активности в этом направлении не проявляется. Но общая установка благодаря посланию Президента Законодательному собранию РФ в целом всем понятна. В связи с этим самая главная опасность для любого региона заключается в стимулировании чиновниками количества (на бумаге и в реальных практиках), а не качества волонтерства. Ситуация существенно осложняется некомпетентностью многих чиновников в этом направлении и стагнацией развития третьего сектора на местах. Именно видимость деятельности представляет одну из главных опасностей или преград для формирования доверия населения к некоммерческим организациям и гражданским инициативам.

Государственная поддержка спортивного волонтерства, выделение очень больших средств на патриотическое воспитание молодежи, приводят к тому, что сегодня в нашей стране сосуществуют два типа волонтеров. О. Н. Яницкий очень точно их маркировал «гражданскими» и «государственными». На мой взгляд, важность существования первых неоспорима, вторых — неизбежна. Главное, чтобы чиновники на местах, увлекаясь созданием программ и проектов для массового организованного волонтерства, не мешали развиваться самоорганизации людей, могли не только видеть ценность таких инициатив снизу, но и помогать им обретать институциональные формы.

Мы начали нашу беседу с того, что я поздравил Вас с успешной защитой докторской диссертации, быстрым утверждением и избранием Вас заведующей кафедрой социологии. Все это — очень много. В таких случаях можно было бы спросить, Мария, а что дальше, каковы Ваши планы? Но я не спрашиваю, понимаю, что у Вас теперь не только своя собственная исследовательская и преподавательская работа, а также — руководство кафедрой. Пожалуйста, расскажите немного о кафедре, о ваших коллегах, возможно, об основных направлениях исследований коллектива кафедры.

Моей любимой кафедре в следующем году будет ровно 55 лет. Кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления выросла из секции кафедры философии Уральского государственного технического университета-УПИ в 1963 году. С 1964 года она называлась кафедрой научного коммунизма. Организатором и первым заведующим был обществовед-энтузиаст доцент, кандидат исторических наук Каро Мкртичевич Мкртчян. С 1969 по 1979 гг. кафедру возглавлял доцент, кандидат исторических наук Леонид Дмитриевич Митрофанов, исследователь трудовых коллективов промышленных предприятий Среднего Урала. В 1980—1982 гг. кафедрой руководила доцент, кандидат исторических наук

Ольга Романовна Кочегарова. В 1982 году уже кафедру социологии и социальных технологий управления возглавил и был бессменным ее руководителем до 2016 года доктор философских наук, профессор Юрий Рудольфович Вишневский. Именно по его инициативе кафедра стала выпускающей. Не побоюсь сказать, что за этот период мы подготовили более 4800 выпускников по направлениям «Менеджмент», «Торговое дело», «Государственное и муниципальное управление». В этом году мы прошли лицензирование в Министерстве образования РФ и начали набор абитуриентов на новое направление подготовки бакалавриата «Публичная политика и социальные науки». Руководит данной образовательной программой молодой доктор социологических наук П. А. Амбарова – мой друг и коллега, которая начинает развивать не только свое собственное научное направление, связанное с изучением различных аспектов темпоральности в управлении, но и формировать идеологию образовательной подготовки поколения новых профессионалов. Кроме того, на нашей кафедре успешно ведется подготовка по трем программам магистратуры (направление «Государственное и муниципальное управление»), руководят которыми А. П. Багирова, Л. Н. Боронина и Ю. Р. Вишневский. Профессора нашей кафедры успешно работают с аспирантами экономистами и социологами по специальностям «социология культуры» и «социология управления». Большим численным составом кафедралов и студентов не возможно управлять без хорошего ученого секретаря. Много лет эти задачи решал В. Т. Шапко. На смену ему пришла кандидат философских наук Л. Н. Боронина. Я не могу не отметить ее роль в судьбе кафедры. На мой взгляд, она не просто отличный ученый секретарь, но и уникальный исследователь, педагог и практик. Людмила Николаевна, развивая свое уникальное направление по социально-экономическому проектированию, умеет проектировать нашу коллективную учебную нагрузку, содержание образовательных программ, модерировать социально-психологические отношения в коллективе и поддерживать благоприятную рабочую атмосферу.

Большая честь для меня руководить не только кафедрой с такой выдающейся историей, но и совершенно замечательным коллективом. Сегодня вместе со мной работают 11 докторов наук (трое получили подтверждения ВАК РФ в 2017 году, и я в том числе), 16 кандидатов наук (1 получил подтверждение ВАК РФ в этом году), 15 аспирантов и соискателей (ожидаем не менее четырех успешных защит в следующем учебном году), два докторанта. Нашу кафедру отмечает глубокая системная работа реальных научных школ/научных групп, практических все из них включают исследователей разных поколений. В каждом таком научном мейнстриме безусловно есть свои учителя, лидеры-руководители, которые консолидируют знания, организуют активность своих коллег, притягивают молодежь. Средний возраст 42 сотрудников – 48 лет. Самому молодому кандидату наук – 26 лет, самым уважаемым профессорам – 79 лет.

К первому поколению учителей-социологов безусловно относятся Ю. Р. Вишневский и Г. Е. Зборовский. Юрий Рудольфович – наш бессменный флагман в исследованиях по социологии молодежи, гражданской культуре и проблемам социальной политики. Именно он помогает моим коллегам, своим аспирантам, разрабатывая теоретические подходы к изучению проблем молодежи и общества в условиях глобализации, системных кризисов, общества знания. Именно под его руководством с 1999 года проводится мониторинг «Студент», который позволяет выявлять изменения в социокультурной среде студенчества Свердловской области,

изменения в социальной защищенности студенчества, профессиональном самоопределении, общественной и досуговой деятельности молодых уральцев; ценностные ориентации и установки студентов; гражданская культура студенчества; общественная деятельность студенчества; студенческий досуг; профилактика зависимостей от психоактивных веществ в студенческой среде; обеспечение социокультурной безопасности студенческой молодежи. Важно отметить, что Юрий Рудольфович не просто кабинетный исследователь — он социолог с активной гражданской позицией. Результаты наших исследований, благодаря его усилиям, всегда представлены широкой общественности, в том числе чиновникам различных региональных министерств и ведомств. В его поле деятельности разработка прогнозов относительно динамики социокультурных процессов на период до 2020 года, рекомендации по управлению социальными процессами для органов государственной власти, работников сферы государственной молодежной политики. Профессор Ю. Р. Вишневский был научным консультантом моей коллеги Я. В. Дидковской, которая в июле 2017 года получила подтвержденный ВАК РФ диплом доктора наук. Еще он подготовил успешно защитившегося и получившего в этом году официальный документ кандидата социологических наук из числа действующих военных РФ.

Гарольд Ефимович Зборовский руководит серьезной научной группой, которая занимается исследованием проблем развития высшего образования, а также изучает различные проблемы гражданского общества в нашей стране. Под его руководством мы успешно реализуем пять различных исследовательских проектов, в том числе ведем крупный научно-исследовательский проект «Формирование нелинейной модели российского высшего образования в регионе в условиях экономической и социальной неопределенности», поддержанный РНФ в 2016 году. Показатели эффективности научной деятельности Гарольда Ефимовича находятся на очень высоком уровне. Только за последние пять лет им опубликовано более 170 работ (при общем их количестве около 600), в том числе 22 работы в изданиях, индексируемых в международных базах цитирования, 70 работ в изданиях из списка ВАК, 11 монографий и три учебника. Гарольд Ефимович является ведущим социологом г. Екатеринбурга, Уральского региона и признан профессиональным сообществом как один из лучших социологов России. Его вклад в развитие отечественной социологии в целом и в том числе Уральской школы социологии подтверждается высокими наградами: Заслуженный деятель науки РФ (1993); Лауреат премии имени И. Г. Петровского (2002); Серебряная медаль имени Питирима Сорокина (2008); Лауреат I Премии Министерства образования РФ за цикл работ в области образования (2001); Почетный член Российского общества социологов; Лучший профессор Уральского федерального университета (2016). Кроме того, для меня, как и для других российских социологов выражение «школа Зборовского» очень много значит. Не могу не отметить, что за всю свою академическую карьеру им подготовлено 10 докторов и 48 кандидатов социологических наук. На нашей кафедре работают четыре доктора и один кандидат, диссертации которых были защищены не без его активного участия как научного консультанта или руководителя.

По нашим исследованиям мне хотелось бы отметить, что именно он, как лидер научной школы в области социологии образования, разработал концепцию нелинейной модели высшего образования в России в условиях социальной и экономической неопределенности. Коллективу удалось предложить нелинейную модель для системы высшего образования именно нашего региона — УрФО, эмпирически измерить

и охарактеризовать условия и возможности ее реализации через оценку потенциала нелинейных стратегий развития образовательных общностей в системе высшего образования региона. Выделены принципы функционирования этой модели, рассмотрена специфика научно-образовательного знания как когнитивной основы разрабатываемой модели, дана характеристика институциональных условий формирования нелинейных образовательных стратегий студенчества и профессиональных стратегий научно-педагогического сообщества, оценка потребностей и степени готовности образовательных общностей к функционированию и развитию в условиях перемен, сетевых форм образования, академической мобильности, инновационного типа взаимодействий в высшей школе. По этому направлению в 2017 году под его руководством началась работа над новой темой диссертационного исследования молодого кандидата социологических наук В.С. Каташинских «Тенденции трансформации высшего образования в XXI веке в России: типологический подход».

Второе наше направление затрагивает проблемное поле формирования гражданского общества в нашей стране, мы изучаем разные виды добровольчества, региональное управление социальными инициативами граждан, барьеры и перспективы развития некоммерческого сектора, стратегии решения актуальных социальных проблем местного сообщества. Про волонтерство как свою «научную любовь» я много писала выше, поэтому мне бы хотелось обозначить, наверное, перспективы исследований, которые ведут наши магистранты, аспиранты и докторанты. Безусловно, к ним я бы отнесла диссертационное исследование потенциала военного волонтерства в России, а также исследование управления спортивным волонтерством в Свердловской области. Г. Е. Зборовский с Н. В. Шабровой начинают очень интересное диссертационное исследование роли социальной общности родителей в развитии гражданского общества в России.

Ко второму поколению лидеров-научных наставников можно отнести профессора Л.Н. Банникову, которая успешно развивает социологию инженерного образования. Она руководила проектом «Формирование профессионального этоса современного инженера» получены серьезные научные результаты. Под ее руководством идет активная подготовка двух кандидатских диссертаций по этому направлению. Очень надеемся на их скорейшую и успешную защиту в следующем году. Научная группа успешно провела массовый опрос студентов технического профиля обучения, а также экспертный опрос практикующих инженеров, руководителей научно-исследовательских центров, научно-технических отделов крупных производственных предприятий Свердловской области. Исследовательский коллектив дал оценку воздействию противоречий в развитии современной инженерии на процессы формирования профессиональной идентичности будущих обладателей инженерных дипломов. Под руководством Людмилы Николаевны были разработаны модели оценки качественных потребностей в новой генерации инженерных кадров, наши сотрудники сегментировали направления взаимодействия вуза и предприятий реального сектора экономики. Л. Н. Банниковой и Л. Н. Борониной апробирован системный подход к проектированию образовательной среды формирования инженерной элиты. Они адаптировали ряд валидных методик социально-психологического исследования фактора креативности в структуре инженерной деятельности. Важно, что в Свердловской области принята концепция развития инженерного образования — высшей инженерной школы, разработанная моими глубоко уважаемыми коллегами.

Еще один молодой, перспективный профессор, доктор экономических наук А. П. Багирова руководит научной группой, которая разрабатывает новое для российской науки (экономики и социологии) исследовательское направление «Активизация родительского труда в Российской Федерации». Проблематика, которую развивает Анна Петровна со своими аспирантами и докторантами, очень острая и дискуссионная. С 2008 года по данной проблематике у коллектива вышло 15 монографий. В целом ряде их научных работ обоснована структура родительского труда через характеристику его предмета, средств и результатов, дается оценка специфики трудового потенциала в сфере родительского труда, раскрывается потенциал влияния родительского труда на социально-демографическую и профессиональную структуры общества. Очень интересен, на мой взгляд, разворот исследований, в которых данная научная группа рассматривает содержание родительского труда как феномена прекаризированной занятости. Анна Петровна успешно руководит исследовательскими проектами, поддержанными различными российскими научными фондами. Профессор А. П. Багирова вместе со своей успешно защитившейся в прошлом году аспиранткой, а ныне молодым кандидатом наук Дарьей Быковой, разработали экономическую методику учета результатов родительского труда, включающую методические принципы его исследования и совокупность показателей формирования результатов родительского труда на каждой его стадии. Анна Петровна выпустила как научный руководитель пять кандидатов экономических наук. Сегодня она руководит работой четырех аспирантов и одного докторанта. В следующем году, я уверена, в ее школе будет не менее трех успешных кандидатских защит.

Потенциал у моих коллег безусловно колоссальный, можно перечислять до бесконечности все наши коллективные компетенции и достижения. Очень надеюсь, что, когда мои дорогие кафедры прочитают это интервью, они не обидятся, что я не написала про кого-то.

Теперь, пожалуйста, Мария, о собственных исследовательских планах, хотя понимаю, насколько сложно об этом думать...

Планы грандиозные. Главное в них — это свобода моего личного выбора тематики и тех проблем, которыми я буду заниматься в ближайшем будущем. Следует еще раз подчеркнуть, что я — часть большого научно-исследовательского коллектива, кафедры, которая и будет определять путь, в котором мы будем двигаться в продолжении наших проектов и той образовательной программы, которую открываем в этом году. Кроме того, наверное, мои возможные научные интересы связаны и с определенными желаниями в отношении освоения новых профессиональных компетенций, расширяющих возможности исследователей в настоящем и будущем. Во-первых, безусловно мы продолжим исследования добровольчества, а именно будем изучать проблемы управления добровольцами в конкретных организациях (добровольческих ресурсных центрах, социально ориентированных НКО, государственных учреждениях). Во-вторых, очень интересно в ближайшем будущем отслеживать динамику развития некоммерческого сектора, проблемы и перспективы формирования свободного рынка социальных услуг. В-третьих, мне бы очень хотелось повысить свой уровень профессиональной компетенций в направлении, связанном с анализом больших данных, чтобы в дальнейшем глубже анализировать проблемы самоорганизации, проявления гражданской и социальной активности разных социальных групп. В-четвертых, есть определенный интерес к междисциплинарным исследованиям

городских пространств, социальной и политической активности горожан, позволяющим прогнозировать развитие определенных социальных общностей и территорий. Мне радостно поделиться с Вами тем, что у меня очень много планов сегодня. Я действительно согласна с тем, что хороший план сегодня лучше очень хорошего плана когда-то в будущем.